

ДРУЖБА НАРОДОВ

- Вячеслав Шаповалов
Три баллады
- Владимир Лидский
Эскимосско-чукчанская война
Повесть
- Александр Мелихов
Вестники
Повесть
- «Среди других миров...»
Русская и русскоязычная культура на постсоветском пространстве. Заочный «круглый стол»
- А где ты был в семнадцатом году?
Версии Дмитрия Быкова, Георгия Гратта, Александра Григоренко, Дениса Гуцко, Дениса Драгунского, Всеволода Емелина, Кирилла Еськова, Шамиля Идиатуллина, Игоря Кузнецова, Анны Матвеевой, Александра Мелихова, Сергея Носова, Геннадия Прашкевича, Андрея Родионова, Вячеслава Рыбакова, Алексея Торка

10'2017

«Среди других миров...»

Русская и русскоязычная культура на постсоветском пространстве

*Евгений АБДУЛЛАЕВ, Андрей ЖВАЛЕВСКИЙ, Михаил ЗЕМСКОВ,
Олег ПАНФИЛ, Алексей ТОРК, Ирина ЦЫГАЛЬСКАЯ отвечают
на вопросы Натальи ИГРУНОВОЙ*

Тема — из круга «моих» уже многие годы.

В 1994 году мы с переводчиком, редактором журнала «Таллинн» Нелли Мельц обсуждали опыт русских эмигрантов первой волны: «Эти люди, перенеся с эстонским народом столько страданий, столько напастей, остались русскими и не ненавидят Эстонию... Они знают эстонскую культуру... Эти люди как свечи стоят, которые светят и одной стороне, и другой...» — и ее личный опыт: каково это — быть эстонкой и человеком русской культуры в новой Эстонии.

В 1998-м с поэтом, литературоведом, культурологом Томасом Венцловой говорили о традициях и перспективах литовской русистики. «Каковы бы ни были наши печальные исторические отношения с Россией, в том числе с Советской Россией, — убеждал он, — у русского языка и русской культуры есть и всегда будет свое место в Литве».

В 1999-м с прозаиком из Ивано-Франковска Владимиром Ешкилевым спорили о сорокинском «Голубом сале» и его уроках (или адаптации технологий) для украинской прозы. Ешкилев тогда убеждал, что у них более амбициозная сверхзадача, чем у «избыточной» литературы российской: «творение литературы», — и тут же проговаривался: «Все интересные поэты в Украине так или иначе зациклены на ритмике и эстетике Бродского. ...Может быть, через Бродского, через Петербург, каким-то кружным путем, в Украину пришла Европа».

В 2003-м на вопрос о том, читают ли в Грузии русскую литературу, прозаик и поэт Шота Иаташвили отвечал все-таки с оптимизмом: «По-русски читают классику. Скажу честно: после перестройки и выхода из СССР мы русской литературой не интересовались. Только в последние три года что-то реально изменилось, есть ощущение, что наши литературы будут сближаться и, как и раньше, грузины будут читать русских, а русские грузин».

В 2004-м один из самых интересных писателей Армении второй половины XX века, писавший на армянском Агаси Айвазян признавался мне: «Я не мог бы жить без Толстого. Без Чехова я не могу жить. Без Бунина не могу жить. Я ищу свое начало, ищу, как сделать, чтобы меньше страдать, что я такое — и читаю Бунина... Гоголь — это самая трагическая фигура в русской литературе и самый любимый мой человек. ...Притом Пушкина я люблю, и знаю, и чувствую его. Он даже в воздухе есть. В воздухе новой России».

С тех пор прошло, казалось бы, совсем немного времени, но ситуация сильно изменилась. И не только после 2008 года — для Грузии и 2014-го — для Украины. Ткань единого культурного пространства, основой которой был русский язык, заметно истончилась. Хотя в той же сфере бытования языка события происходят разновекторные. Вот лишь несколько — из самых свежих. Президент Казахстана отдал распоряжение о переходе к 2025 году на латиницу. Президент России отдал распоряжение разобраться с обязательным обучением русскоязычного населения языкам коренных народов (эта проблема стала особо актуальна в последнее десятилетие). Нобелевский лауреат из Белоруссии Светлана Алексиевич, писатель русскоязычный, подчеркнув, что сама она человек русской культуры, допустила возможность — на какое-то время — поражения в правах для русского языка на Украине и в Белоруссии вплоть до запрета — чтобы «сцементировать» нацию. Московский Литинститут им. Горького планирует постепенно воссоздать школу литературного перевода. Нынешней осенью учителя из России были направлены в Таджикистан для обучения школьников русскому языку... Информация точечная. Чтобы лучше представить общую картину, я предложила нашим авторам, пишущим на русском, подробный опросник.

Согласились участвовать далеко не все к разговору приглашенные. Что тоже знак.

Было несколько отказов дежурно-вежливых, как под копирку: очень занят, болен, не владею ситуацией.

А еще были вот такие, одновременно разочарованно-усталые и запальчивые, письма от Сергея МОРЕЙНО, многие годы уже прожившего в Латвии давнего и любимого автора «ДН», поэта и переводчика — в том числе и с латышского. (Привожу с разрешения Сергея с небольшими купюрами. 4 сентября — «время Ч», оговоренный мною крайний срок присылки ответов.)

Понедельник, 4 сентября 2017, 2:54 +03:00 от smoreino

Наталья, доброе утро 4 сентября)))

Боюсь, я Вас снова разочарую, <...> но у меня ничего не получилось... Наверное, я стал слишком старым, выходило одно брюзжание и пессимизм, все казалось случайным, временным, вызывающим не интерес, а усталость. Не хотелось никого ругать (в том числе и себя), а хвалить казалось некого и не за что (в том числе и себя).

Почти все, с чем я сталкиваюсь в Латвии и Германии: семинары, переводы туда-сюда и пр. кажется мне закостеневшим, требующим обновления, но кто я такой, чтобы об этом писать? Я часть этого процесса, я стараюсь что-то делать, а написать об этом не получилось. В России же дело обстоит настолько плохо, что вообще ни в сказке, ни пером. Но это «плохо» делают очень милые люди, и о бессмысленности их дел я могу сказать им в глаза, но не в журнале (((Да и об утрате русским языком его бывшего значения и статуса — больше нету сил писать... <...> Было бы больше времени (намного больше), что-то, глядишь, и созрело (начало созревать), но его — времени — нет... И физически мало, к тому же три книги на мне висят (на финишной прямой) и мешают думать. <...> Лихорадочно начинал и не заканчивал три дня подряд фрагменты, от банальности которых меня самого тошнило:

...Основное чувство, которое я хотел бы назвать в связи с очерченным кругом вопросов: усталость. Не знаю, в какой мере это моя личная усталость, а в какой и вправду то, о чем предполагается говорить («русский мир», статус русского языка, образование на русском языке и так далее), объективно утомляет. Я думаю, что мир вообще устал — даже предполагать не берусь, насколько — при этом я хорошо ощущаю, что мир, в котором живу я, довольно сильно устал от России. Прошу понять меня правильно: я не говорю, что Россия, моя родина, ужасна или, напротив, слишком прекрасна; не утверждаю, что другие страны, например США, не ведут себя утомительным образом (ведут, и еще как!),

но именно у России репутация в последнее время отменно нехороша. И это здорово усложняет участие в обыкновенном литературном процессе — все время приходится как бы оправдываться, именно «как бы», потому что на самом деле все это старая игра, и все воспринимают как игру твои оправдания по самым различным поводам, как то...)

А тем временем четвертое уже наступило! Но так не хочется терять связь, вот я и хватаюсь за разные соломинки...

Всегда Ваш

СМ

12.09.2017, 14:39 от Натальи Игруновой

Сергей, добрый день, извините, что отвечаю не сразу. Огорчилась, не хотелось сказать лишнее под горячую руку :) А потом у нас книжная ярмарка началась... Жаль, конечно, что решили не участвовать. Сейчас собираю и выстраиваю текст разговора и подумала: может быть, вы позволите мне использовать то, что вы написали в письме, обосновывая, почему не получилось, и про усталость и т.д.? В общем-то это ведь тоже некий вариант ответа. Если не хотите, чтобы сослалась конкретно на вас, могу сказать — наш автор из одного из государств Балтии.

Наталья

12 сентября, 22:33 от smoreino

Добрый, да — конечно! И «шифровать» меня не надо, можно ссылаться <...>. Я бы даже добавил, что Россия никак не облегчает понимания иностранными переводчиками русских текстов, все происходит на уровне междусобойчиков и не всегда адекватных личных контактов, и что поэтому «Компромисс» Довлатова и «Чевенгур» Платонова переводятся как сатира. А пытаться доказать, что это не сатира или не вполне сатира — все равно что плевать против ветра, потому что «авторитетные» люди уже высказались по этому поводу. Практика перевода с русского и на русский чудовищно отстала от теории, потому что Россия в целом выпала из контекста и мои коллеги (которых я не могу не любить, потому что коллеги же!!!) по большей части тотальные бронтозавры и переводят, как переводили во времена железного занавеса, когда у перевода были другие задачи и цели. <...> Ну, а коллеги с ТОЙ стороны (немцы, поляки, латыши) отвечают им тем же. Дискуссии между ними напоминают зошненковскую коммуналку и сводятся, условно говоря, к двум вопросам: «как переводить русские имена — Сонечка Мармеладова и Порфирий Петрович» — «Путин плохой или хороший». Например, недавно был переведен на немецкий Веневитинов — честь и хвала первопроходцам! Но это было сделано абсолютно вне контекста, вне знания контекста, чистая имитация. Недавно была переведена «Мирская чаша» Пришвина. Я даже фамилию назову — Эвелин Пассет (редакция Ирмы Ракузы). Ну это чистой воды бред — они кроме Википедии даже ничего не читали о Пришвине! Там попросту не понят текст, Пришвин выглядит каким-то ироничным абсурдистом.

И это все видят, все понимают, а ничего не могут поделать, ведь не может переводчик читать все подряд, а сориентировать его некому, нет методов, институций — сплошной распили денег и песни с цыганами. <...>

Простите, что так сумбурно, я сейчас — прямо сейчас — еду на машине в Калининград вот сюда: <http://www.territoriyakino.ru/<...>>

Ваш СМ

Постскрипtum к первому письму: «Фото из безвременья — в качестве иллюстрации отсутствия точки опоры в довольно-таки разнообразном мире».

А нам-то, в России, по-прежнему видится в качестве одной из таких точек опоры русская культура...

Итак, вопросы.

Понятие «русский мир» — вызывает горячую полемику в силу своей принадлежности не только к сфере культуры и философии, но и к сфере политики и международных отношений. Я бы хотела пригласить вас к разговору о мире русской и русскоязычной культуры на постсоветском пространстве. Хотя и этот мир не замкнут, дискретен, зависим от этнического состава населения каждого из государств, исторической традиции на конкретной территории и от политической конъюнктуры.

Хотелось бы, чтобы вы поделились своим видением общей ситуации и личным опытом. Интересует все — и область духовной культуры, и культура повседневности:

— политика в сфере языка и образования (статус русского языка, насколько за последние четверть века утрачен язык, есть ли сегодня к нему интерес и чем это вызвано, говорят ли на русском дома, на улице, в быту, есть ли возможность получить высшее образование на русском, происходит ли ассимиляция, существуют ли бумажные и электронные СМИ на русском языке, насколько они востребованы и популярны, выходят ли книги на русском — самые интересны, изучают ли русскую литературу в школе, каков статус преподавателя русского языка и литературы)?

— сохраняется ли русскоязычная городская культура (в том числе — происходит ли переименование улиц и снос памятников деятелям русской культуры), ее особенности в разных поколениях?

— как ощущается (если ощущается) связь с Россией на уровне общества и личном, «русскоязычные» для «титовых» — сограждане или «пятая колонна»?

— какие еще «миры» существуют — традиционные и возникшие в постсоветское время (ориентация на соседей, Турцию, Иран, Саудовскую Аравию, Польшу, скандинавские страны, Германию, Западную Европу в целом, Китай...)?

— появились ли новые интересные писатели, существуют ли объединения русских и русскоязычных писателей, насколько они включены в общий литературный процесс и насколько осведомлены в том, что происходит в литературе на — соответственно — узбекском, армянском, латышском, молдавском... и т.д. и русском языках, происходит ли маргинализация или русский язык, напротив, востребован как язык современной прозы и поэзии (что именно характерно для разных поколений), есть ли детская литература на русском, есть ли возможность общаться с коллегами из других стран?

— то, что пишется сегодня, — это русская литература или литература на русском языке?

— читают ли русскую классику на русском, или уже сделаны переводы, насколько интересна и доступна современная русская литература?

— что происходит с переводом, есть ли переводчики — особенно молодые?...

— как живется и пишется в этом дивном новом многоязычном мире лично вам?

— кто и где ваши читатели?

Результаты «полевых исследований» в Белоруссии, Латвии, Молдавии, Казахстане, Киргизии, Узбекистане — вашему вниманию.

Наталья ИГРУНОВА

Евгений Абдуллаев, поэт, прозаик, критик (г.Ташкент)

«Исчезает языковая среда — скукоживается литература»

Форма для ответа предложена свободная — но буду двигаться, держась за поручни предложенных вопросов. Слишком широкая и топкая тема, легко провалиться в слегка необязательную интеллигентскую болтовню, «кухонную» политологию.

Итак. **Политика в сфере языка и образования.** Как таковая она сегодня в Узбекистане не прослеживается; собственно, в ней нет особой необходимости. Политика в сфере языка требуется там, где языку что-либо угрожает. Демографический спад, когда сокращается до опасного минимума число носителей языка — как это, например, происходит в государствах Балтии. Или сосуществование в одном государстве на более-менее равных началах двух или более разных языковых групп (случай Казахстана, Белоруссии, Украины с их значительным числом русскоговорящих). Или активное внедрение в сферу управления, коммуникации, культуры какого-то «внешнего» языка — например, английского...

В Узбекистане, строго говоря, нет ни того, ни другого, ни третьего. Титульное население динамично растет; в стране сегодня более 26 миллионов узбеков (из 32 миллионов всего населения). Других столь же крупных языковых групп в Узбекистане сегодня нет; ни таджикский, ни каракалпакский, ни русский реальной конкуренции узбекскому не составляют, по крайней мере, с конца 90-х. Что касается экспансии внешних языков, то в силу относительной закрытости Узбекистана «импорт» английского довольно ограничен и не воспринимается как такая «лингвистическая опасность».

Статус русского языка, насколько за последние четверть века утрачен язык, есть ли сегодня к нему интерес и чем это вызвано. Об утратах говорить не буду; они почти во всех постсоветских государствах, что называется, были «запрограммированы». Если язык не имеет государственного статуса плюс идет отток говорящего на нем населения, то, собственно, с чего ему «цвести и пахнуть»? Русский, тем не мене, сохраняет многие позиции, в том числе — и в администрировании; он перестал восприниматься как «язык русских», стал «своим». Как английский — для индусских элит (хотя, конечно, и не в таком масштабе).

Есть ли возможность получить высшее образование на русском? Возможность есть, хотя число мест — и «на бюджет», и «на контракт» — сокращается. Но это не сознательная дискриминация: просто и желающих учиться на русском с каждым годом меньше: заметно «тает» число русскоязычных абитуриентов. Сегодня это те, кто родился во второй половине 90-х, когда уже вовсю шел отток наиболее активных и молодых русскоязычных людей — в Россию, в «дальнее зарубежье». Те дети, которые у них тогда должны были родиться в Узбекистане и сегодня придти в вузы — родились уже где-то в других местах... Так что и желающих учиться на русском все меньше, и мест меньше, но главное — качество обучения... Но кризис системы высшего образования — это уже проблема не одного Узбекистана.

Происходит ли ассимиляция? Она, в принципе всегда происходила; «мама — русская, папа — узбек», такое устойчивое сочетание. Что касается языка — все зависит от места. Есть Ташкент и еще несколько два-три относительно «русскоязычных» города. Но, в целом, «русская» (ставлю кавычки: это могут быть и татары, и армяне, и корейцы...) молодежь в областных городах уже вполне свободно говорит по-узбекски.

Не выучивает специально, а так — через круг общения. Тоже вполне естественный и предсказуемый процесс.

Существуют ли бумажные и электронные СМИ на русском языке, насколько они востребованы и популярны? Существуют; особенно популярны электронные СМИ, вроде «Новостей Узбекистана», «Газеты.Уз» (русской ее части), «The Voice of Tashkent», «Писем о Ташкенте»... Не хватает, правда, интеллектуальных, вроде «Гефтера» или «Кольты». Но им, собственно, и взяться неоткуда — недостаточная критическая масса тех, кто это бы мог читать. И кто мог бы туда писать.

Преименование улиц и снос памятников деятелям русской культуры. Уже почти все что могли, снесли и переименовали — в основном, в 90-е. И Гоголя, и Горького... Некоторых пожалели: Пушкина просто перенесли. И названия улиц еще какие-то сохранились. Тупик Льва Толстого, например. Но, надеюсь, процесс «переименованса» уже выдохся. При новом президенте пока ничего не трогают.

Как ощущается связь с Россией? «Русскоязычные» для «титульных» — сограждане или пятая колонна? Благодаря трудовой миграции, Россия — это не что-то далекое, а страна где работают миллионы узбеков; работают и живут. Девятая по численности этническая группа в Москве, шестая — в Питере, третья — в Новосибирске. Приезжаю в Москву — как будто не уезжал из Ташкента: узбекская речь продолжает со всех сторон меня обтекать. Кто тут больше мог бы считаться «пятой колонной», еще вопрос. Что до меня лично, то я себя никакой «колонной» не ощущаю, я — «человек отсюда». Что не мешает мне чувствовать себя своим и в России. Если это и «космополитизм», то своеобразный, ограниченный границами бывшего Союза. Они же, если разобраться, — границы русского языка.

Что касается ориентации на соседей... В начале 90-х нам пытались назначить в «старшего брата» Турцию; потом, правда, на политическом уровне братство несколько заморозилось. Но народ в Турцию летает живенько, самолеты полные; и в Саудовскую Аравию тоже. Но какого-то культурного влияния не заметно. Узбекистан при Каримове был достаточно закрытой страной, с задранными окнами, как в набитом автобусе в час пик. Возможно, в этом и был какой-то смысл; но я больше любитель «культурных сквозняков».

Три вопроса про русскую литературу — это, пожалуй, самое сложное. Это, наверное, какой-то общий постсоветский процесс: усыхание русской литературы (кроме, естественно, самой России). Исчезает языковая среда — скукоживается литература. В 90-е, еще даже в начале 2000-х она здесь сохранялась, по инерции. Слишком большие были вложены литературные «инвестиции» на протяжении предшествующих десятилетий, чтобы это одномоментно угасло. И какое-то время была надежда что-то еще оживить, продлить этот прекрасный закат. «Ташкентская школа», которую придумали в 99-м Санджар Янышев и Вадим Муратханов (я был в роли «примкнувшего Шепилова»); альманахи русской среднеазиатской поэзии, которые мы втроем выпускали; ташкентские фестивали поэзии... Все это было такой попыткой влить новое вино — даже не в старые меха, а в такой мешочек из шагреновой кожи. Году в 2003 я написал эссе «Сохранение энергии» — о современной русской литературе Узбекистана, о том, как она, все же, сохраняется. Сегодня, увы, сохраняются уже нечему. Есть отдельно-взятые литераторы. Виктория Осадченко. Алексей Устименко. Бах Ахмедов... Список этот, конечно, можно продолжить, назвать еще какие-то имена, но даже десять имен не составляют того, что можно было бы гордо назвать литературой. Литература всегда держится «подшерстком» и «подлеском»: сотнями, а то тысячами литераторов. Включая переводчиков, редакторов, литературных критиков. А там, где на тридцатимиллионную страну русских писателей можно перечислить по пальцам...

Впрочем, думаю, что в эпоху глобальных сетей «страновая» локализация литературы и не так важна. Феномен русской узбекской литературы сегодня в каком-

то смысле транснационален. Санджар Янышев живет в Москве, Вадим Муратханов — в подмосковных Электроуглях, Шамшад Абдуллаев — в Алма-Ате, Хамид Исмаилов — в Лондоне. И для всех них Узбекистан остается важной, активно разрабатываемой темой. Недавно открыл для себя стихи еще одного бывшего ташкентца, Михаила Калинина, ныне живущего в Туле. Другое новое для меня имя — Кималь Юсупов, живет в Москве. Прочел его короткий рассказ (прислали), интересная проза — и тоже про Узбекистан, про ясновидца из Бухары... Что-то, в общем, происходит, — но уже не на наших барханах.

Как я себя в этом «прекрасном новом мире» чувствую? Если говорить именно о писательском самочувствии, то оно не сильно связано с местоположением. Главное, чтобы ты мог спокойно, сосредоточенно работать. Спокойно варить себе кофе, открывать ноутбук, смахивать пыль с клавиатуры (у нас тут бесконечная пыль, почва такая) и работать.

Кто и где мои читатели? Мне кажется, это из серии тех вопросов, задумываться о которых писателю не полезно. Я, конечно, пишу для читателя, но предпочитаю, чтобы он для меня оставался чем-то вроде «Прекрасной Дамы» для трубадура. Чем-то прекрасным, нежно любимым и расплывчатым. Так мне легче писать. А о том, *что* это в плане какой-то конкретной «целевой аудитории», где эта аудитория и как меня с ней лучше «поженить», пусть думают те, кто меня издает, — это их хлеб. Мне вполне достаточно туманной платонической любви. Я же Афлатуни — «платоник»...

Андрей Жвалевский, прозаик (г. Минск)

«Географическое положение и долгая история обязывают»

Политика в сфере языка и образования. Я живу в совершенно русскоязычной стране. Говорить об утере статуса русского языка в Беларуси смешно. Согласно переписи 2009 года 41,5% граждан Беларуси считало русский своим родным языком. В 1999-м таких было всего 24,1%. По той же переписи 70,2% белорусов разговаривают дома только на русском (по переписи 1999 года — 62,8%). Какая уж тут «утеря позиций».

Позиции теряет язык титульной нации. Если в 1999-м белорусский считали родным 73,6% граждан страны, а постоянно использовали дома — 37%. К 2009 году их стало 53% и 23% соответственно.

Особенно это касается подрастающего поколения. В 2013 году только 16% всех школьников страны ходили в белорусскоязычные школы. И только 11% — в садики, где говорят на белорусском. В Могилеве (областной центр, 380 тысяч населения) на белорусском языке учится всего 5 (пять) школьников. Остальные учатся и воспитываются на русском. Про вузы и говорить нечего: есть гуманитарные факультеты, где царит белорусская мова, но получить техническое или экономическое образование можно только на русском.

Русский звучит везде: в быту, в системе образования, на производстве. Несмотря на формальное двуязычие, найти государственный бланк не на русском — почти утопия.

Печатные СМИ на белорусском пока существуют, но выпуск их поддерживается большей частью искусственно. Как только исчезнет «добровольная» подписка на государственные издания, количество читателей «Звезды» уменьшится лавинообразно.

Исключение — литературные журналы, у которых небольшие, но стабильные тиражи. Основной язык электронных СМИ — русский. Даже реклама на улицах Минска сплошь русскоязычная. Реклама на белорусском воспринимается как изыск.

В последние годы началось робкое возрождение интереса в белорусском, но гегемонии русского языка в Беларуси ничто не угрожает. Скорее речь идет о формировании сознательного билингвизма.

Сохраняется ли русскоязычная городская культура?.. Несмотря на возмущения националистически настроенной интеллигенции, не переименовывают даже улицу Суворова, который на наших землях руководил карательными операциями. Хорошо это или плохо? Не знаю. По-моему, любые памятники стоит сохранять. Хотя бы для того, чтобы помнить, кому их поставили.

И вообще белорусы не любят переименования. В БССР не было ни одного города, названного в честь Сталина. Говорят, когда в честь юбилея вождя из Москвы потребовали присвоить чему-нибудь Высокое Имя, из Минска предложили на эту роль Бобруйск. Так ничего и не переименовали. А также в честь Брежнева, Андропова, Черненко... В результате не пришлось возвращать исторические названия.

Как ощущается связь с Россией на уровне общества и личном, «русскоязычные» для «титульных»... Тут зависит от возраста. Белорусы 40+ почти не воспринимают Россию как «заграницу». Молодежь, родившаяся в суверенной Беларуси, этого единства не ощущает — хотя к русским молодые белорусы относятся с симпатией. Равно как к полякам, литовцам, украинцам, далее везде. Географическое положение и долгая история обязывают. Ни разу не слышал, чтобы кого-то в Беларуси дискриминировали за использование русского языка. Разве что какие-нибудь специальные провокаторы в постановочных видеосюжетах.

Поскольку русскоязычные составляют большинство, «пятой колонной» до недавнего времени считались именно белорусскоязычные — и часто не без оснований. Белорусский язык был атрибутом оппозиции. Сегодня все больше молодых людей выбирает белорусский не по политическим мотивам. Поэтому сейчас «языковая» настороженность ушла. Общение между белорусами часто происходит так: один начинает на русском, второй отвечает по-белорусски, первый тут же переходит на мову — и так меняются несколько раз по ходу беседы. Причем участники сами этого не замечают.

Для меня лингвистическим идеалом белоруса является моя старшенькая: русский-белорусский-английский свободно, а еще немного французский, итальянский, испанский... и еще какие-то. А муж у нее еще и по-японски умеет.

Какие еще «миры» существуют — традиционные и возникшие в постсоветское время... Для Беларуси таким «миром» является Европа. От Минска до Вильнюса — полтора часа на электричке. Жители приграничных областей чуть ли не ежедневно бывают в Польше, Литве или Латвии. Многие там работают, учатся (упомянутая выше «старшенькая», например, учится в аспирантуре в Эстонии вместе с мужем). По количеству шенгенских виз на душу населения белорусы — мировые рекордсмены. Половина всех «карт поляка» выдана нашим гражданам.

Личный опыт помогает очень хорошо фильтровать пропаганду. Белорусы понимают, что Европа — это не геи с бунтующими мигрантами, а уважение к личности и закону, расслабленность, дружелюбие. И хотят себе такого же. Не только хотят, но и строят потихоньку.

Но это ни в коем случае не назло России. Дай белорусу волю — он снесет все пограничные столбы, хоть с Россией, хоть с Польшей, хоть с Украиной. И найдет язык, на котором сможет договориться с соседями.

Новые интересные писатели, объединения русскоязычных писателей, включенность в общий литературный процесс, детская литература на русском... Русскоязычные писатели есть в изобилии, и чувствуют себя во многом лучше, чем белорусскоязычные. Тиражи

больше, российские премии и российские СМИ доступнее. Даже внутри Беларуси издатели с большим удовольствием печатают книги на русском, чем на белорусском. По данным Национальной книжной палаты только 12,5% наименований и 20,8% тиражей издано на языке титульной нации, почти все остальное — на русском.

Еще десять лет назад существовало серьезное напряжение между белорусско- и русскоязычными писателями. Я очень хорошо помню, как нас с Евгенией Пастернак пытались «вышвырнуть из белорусской литературы» только на том основании, что мы пишем не на национальном языке. Сейчас все успокоилось. Хотя рецидивы случаются. Например, многие «свядомыя» литераторы обиделись на Светлану Алексиевич за то, что она нобелевскую лекцию прочитала по-русски. Следующее выступление Светланы Александровны было на белорусском, но «свядомые» почему-то все равно обиделись.

То, что пишется сегодня, — это русская литература или литература на русском языке?

Не знаю, как ответить. Книги, написанные на английском в Новой Зеландии — это английская литература? Харуки Мураками, который пишет по-английски, — британский писатель?¹

Честно говоря, не понимаю смысла проблемы. А зачем нужны эти ярлыки? Допустим, мы тут сейчас решим: все, что написано на русском — русская литература. И что? На что это повлияет? Институт русского языка РАН будет визировать тексты Ольги Громько или супругов Дяченко? Библиографические классификаторы поменяются, наверное — и кому от этого станет лучше или хуже? По-моему, такие вопросы сильно пахивают политикой, а этот запах вызывает у меня рвотный рефлекс.

Мы с Евгенией решили для себя, что мы — белорусские писатели, пишущие на русском. Если начинают сильно доставать с уточнениями, говорим, что мы — западноуральские писатели. Очень западно.

Читают ли русскую классику на русском, или уже сделаны переводы, насколько интересна и доступна современная русская литература? Классику читают в основном на русском, переводы на белорусский — это разве что в школе. И реакция от такого прочтения соответствующая: «сдал и забыл». Современную русскую литературу читают исключительно в оригинале. Не слышал, чтобы кто-то пытался перевести Водлазкина, Улицкую, Акунина или на худой конец Донцову.

Мы лет семь уговаривали издателей напечатать белорусский перевод нашей «Гимназии № 13». В результате пришлось прибегнуть к краудфандингу, и все равно тираж — 700 экземпляров.

Правда, ассортимент современной российской литературы даже в Минске сильно отличается от Москвы. В этом смысле мы ближе к Тамбову или Екатеринбург. Главные бестселлеры вроде Акунина, Пелевина, Роулинг у нас, конечно, есть. Но того же Водлазкина или Солоуха найти непросто. Кстати, не могу себе представить, где в Минске купить «толстые» российские литературные журналы.

Хотя в последние два года стали появляться концептуальные книжные магазины, в которых есть немассовая российская литература. И не только российская — переводы Паланика, Вебера, Брэдбери в Беларуси есть только на русском. Правда, сейчас появился проект «Американка», в котором Кизи, Паланик, Буковски заговорят на белорусском — но первый тур сбора денег закончился неудачно. Будем надеяться, второй этап пройдет успешнее.

Что происходит с переводом?.. С переводом, как ни странно, очень сложно. Профессиональных переводчиков с русский на белорусский и обратно, как нам

¹ Харуки Мураками родился в Киото, в 90-е уезжал на несколько лет на Запад и вернулся в Японию, — пишет на японском и считается, естественно, японским писателем. Иное дело — Кадзуо Исигуро. Он родился в Нагасаки, когда ему было 6 лет, семья переехала в Великобританию, в 1982 г. получил британское гражданство, пишет на английском и считается британским писателем японского происхождения. — *Н.И.*

объяснили, — по пальцам пересчитать. Это действительно парадоксально, если учесть близость языков. Но когда начинаешь переводить даже собственный текст, утыкаешься в непроходимые различия. Например, по-русски «Великая держава» — это нечто величественное, торжественное, всем встать, руки по швам. А на белорусском «вялікая дзяржава» — просто «большое государство». По геометрическому размеру большое. И никакого пафоса.

Или в нашей «Гимназии» главный герой носит фамилию Волков. Казалось бы, в чем проблемы? А оказывается, нужно переводить как «Воўкаў», что сразу разрушает фонетически-смысловое наполнение фамилии — по сюжету он у нас еще и «волхв». Я уж не говорю, что никакого «волхва» в белорусском вообще нет. И как это все переводить?

Хотя есть переводчики очень высокого класса. Например, белорусский перевод «Озера радости» Виктора Мартиновича, по мнению многих, лучше русского оригинала.

Как живется и пишется в этом прекрасном новом многоязычном мире лично вам?

Отлично живется! Мы с соавтором — люди почти стопроцентно русскоязычные, но в последнее время стараемся больше читать на белорусском, четыре месяца ходили на коучинг «Мова веда», я осторожно пробую себя в переводе на родной язык. А еще засели за онлайн-курсы английского. Очень расширяет сознание! Чем больше языков в голове, тем лучше понимаешь слова, ощущаешь смыслы. Так что всем писателям советую: попробуйте стать билингвами — лучше будете писать на родном языке.

Кто и где ваши читатели? Большинство наших читателей живет в России. Как и большинство наших тиражей. И даже в родную Беларусь мы чаще всего приходим через книги, изданные в России.

А недавно наши книги предложили перевести на английский.

Школьники из Кемерово.

Михаил Земсков, прозаик (г.Алма-Ата)

«Переводчиков — единицы, и это энтузиасты»

В прошлом году Казахстан (как и все остальные республики бывшего СССР) праздновал 25-летие независимости. Для социологов наверное было бы интересно сравнить стиль, обстоятельства, протокол и бюджет празднований в разных странах, объединенных когда-то коммунистической системой — все это могло бы дать в чем-то характерный материал о том, в какую сторону теперь несет каждое новообразовавшееся государство центробежная сила от геополитического взрыва четвертьвековой давности. В Казахстане День независимости отмечался широко и пышно. При этом президент и во время праздничных речей, и при других удобных обстоятельствах в течение юбилейного года не раз высказался в том духе, что Казахстан не стремился к выходу из СССР и был одной из последних республик, объявивших о своей независимости. Иногда в этих словах сквозила чуть ли не ностальгия по Советскому Союзу. Эта некая двойственность, на мой взгляд, характеризует в том числе и политику Казахстана по отношению к «Русскому миру», воспринимаемому здесь в первую очередь, как наследие идеологии Советского Союза, а не как понятие культуры и социологии. На официальном уровне максимально декларируется, что государственная независимость — главное достижение Казахстана

за последние десятилетия. Но одновременно с этим в повседневной коммуникации от власти время от времени проводится линия, что Россия — главный друг и партнер, и вроде как и при Советском Союзе было неплохо. Недаром в последнее время все больше возвеличивается личность Динмухамеда Кунаева — последнего первого секретаря ЦК Компартии Казахстана и друга Леонида Брежнева. Динмухамед Кунаев на самом деле много сделал для республики, и инициатива эта идет даже в большей степени «снизу», чем «сверху» — недавно, например, в фэйсбуке начался сбор подписей за присвоение алма-атинскому аэропорту его имени.

Как следствие, **государственная политика в сфере русского языка** — по крайней мере, в сравнении со многими другими странами бывшего СССР — вполне толерантная. Русский язык — не государственный язык, но его статус, прописанный в конституции как «язык межнационального общения», почти приравнен к государственному. По данным переписи 2009 года на русском языке свободно писали и читали более 84%, а понимали русскую устную речь более 94% населения Казахстана (причем для казахского языка эти цифры значительно меньше — 62% и 74% соответственно). В то же время соотношение русскоговорящего и казахскоговорящего населения, соотношение количества русских и казахских школ и объема обучения в институтах на русском и на казахском неуклонно меняется в сторону сокращения использования русского языка и расширения использования казахского. Особенно это характерно для вузов, в первую очередь по той объективной причине, что многие русскоязычные (не только русские, но и казахи, корейцы, уйгуры и др.) выпускники школ предпочитают получить высшее образование в России или за рубежом. Одновременно с этим в вузы Казахстана поступает много оралманов (казахов, вернувшихся на историческую родину из-за рубежа — из Китая, Монголии и др. — по госпрограмме переселения и не владеющих русским языком). Поэтому в перспективе постепенное утрачивание русского языка в Казахстане (которое пока почти незаметно), на мой взгляд, неизбежно.

Стоит сказать еще об одной государственной программе, принятой несколько лет назад правительством — программе «Триединства языков», согласно которой в будущем все жители Казахстана должны будут владеть тремя языками — казахским, русским и английским. Поставленные правительством задачи весьма амбициозны — уже к 2020 году казахским языком должны владеть 95% населения, русским — 90% населения, английским — 20% населения. Но кажется, что кроме правительства в осуществление этих планов мало кто верит. Да и к методике реализации этой программы, подразумевающей переход на школьное обучение на трех языках уже в ближайшие два-три года, много вопросов — в первую очередь в том, что для этого катастрофически не хватает квалифицированных кадров.

В плане городской культуры ситуация сильно зависит от региона. На юге и западе Казахстана с преобладающим казахскоязычным населением турист-россиянин наверняка будет чувствовать себя как за рубежом. Иногда и переводчик потребуется. Но на севере, востоке, в центральном Казахстане и в обеих столицах — Астане и Алма-Ате — тот же самый российский турист скорее всего будет чувствовать себя вполне как дома, ну или, допустим, как в какой-нибудь национальной республике России — Татарстане или Башкортостане. Большинство рекламных плакатов, вывесок, объявлений — на русском языке. В газетных киосках более 80% газет и журналов — на русском языке. В книжных магазинах более 90% книг — российских издательств. В кинотеатрах 99% сеансов — на русском языке. У большинства жителей, в гостиницах, учреждениях — кабельное или спутниковое телевидение, и более 90% телеканалов — российские или на русском языке. Один мой знакомый, вернувшись из Казани, утверждал, что Алма-Ата — более «русский» город, чем столица Татарстана. Возмущение казахстанских национал-патриотов (впрочем, не только их) по поводу засилья российского культурного и политического влияния вполне можно понять. Но это возмущение остается только возмущением, и за последние лет 10-15 ситуация мало

изменилась. При этом в сфере культуры такая экспансия в большей степени затрагивает живущих в Казахстане русскоязычных писателей и кинематографистов — по той причине, что ни казахстанский книгоиздательский бизнес, ни киноиндустрия не могут конкурировать с российскими по уровню инвестиций, рекламных бюджетов и развитию системы распространения.

В литературе это ощущается особенно остро — казахстанские издательства просто «задавлены» российскими, и если в начале 90-х еще существовали коммерчески успешные или хотя бы самокупаемые издательства, то сейчас таких нет (исключение составляют издательства, работающие с детской и учебной литературой). Поэтому казахстанскому русскоязычному писателю для того, чтобы быть услышанным казахстанским читателем, нужно сначала издать книгу в России, а потом из России она уже, дай Бог, доберется до казахстанских книжных полок. Альтернативным вариантом остается самиздат. Периодически в Казахстане выходят книги, изданные за счет автора или за счет спонсорской поддержки, но без необходимой информационной поддержки и системы распространения, обеспечиваемой издательством, они обычно теряются в потоке других изданий и расходятся (если расходятся) мизерными тиражами. В таких условиях вопрос для казахстанского писателя «где и кто мой читатель» является актуальным и довольно болезненным. С другой стороны, нужно сказать, что казахстанский читатель и современную российскую литературу сейчас читает и знает гораздо хуже, чем двадцать-тридцать лет назад. Широко известными можно назвать лишь 5-10 имен: Пелевин, Улицкая, Акунин, Лукьяненко, Донцова и т.п. Книги же, например, Прилепина, Шишкина, Водолазкина, Павлова, Юзефовича, Иличевского, Сенчина, вызывавшие резонанс и отклик в России в последнее десятилетие, в Казахстане остались почти незаметными. Можно сказать, что здесь современная российская литература не выдерживает конкуренции с современной зарубежной литературой — и европейской, и американской, и японской, — а также с русской классикой. Страницы форумов и блогов «Что почитать» в «казнете» изобилуют иностранными именами и с детства неизменным рядом Пушкин-Гоголь-Толстой-Чехов-Достоевский, плюс несколько русских авторов из XX века.

Классическая русская литература почитается и на государственном уровне. Ежегодные мероприятия в день рождения Пушкина — традиционны. Улицы Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Достоевского, Шолохова и иже с ними после вихря переименований в Алма-Ате и Астане в конце 90-х — начале 00-х остались при своих именах. С памятниками русским писателям, по крайней мере, в Алма-Ате — похуже. До недавнего времени их было три, причем два из них — Пушкину и Шевченко — были установлены уже в период независимости, в 1999-м и 2000-м гг. (в советское время существовал только один памятник — Горькому). Но не так давно памятник Горькому исчез из центрального парка культуры и отдыха, носившего в советское время его же имя, но ныне переданному в частные руки. Позднее он был обнаружен на «аллее памятников советской эпохи» в другом парке, рядом с Лениным и Калининым.

За последние два десятилетия в Казахстане **появилось несколько новых интересных писателей, пишущих на русском**, хотя их не так много. Некоторые из них объединились вокруг Открытой литературной школы Алматы, некоторые — наладили связи с российскими литературными кругами и «толстыми» литературными журналами. Кто-то варится в собственном соку, и потом возникает «неожиданно из ниоткуда» с каким-нибудь интересным произведением (так появились, например, Эльдар Саттаров с «Транзит Сайгон-Алматы» и Сабыр Каирханов с «Синхро»). Но практически никто из них не имеет связей с казахскоязычной литературой и не особо представляет, что в ней происходит. Эти две литературы в настоящее время существуют в параллельных, почти не пересекающихся, мирах. Главным образом из-за проблем с переводом. Книги на казахском почти не переводятся на русский, а книги на русском — соответственно, на казахский. Переводчиков — единицы, и это, по сути, энтузиасты, работающие за

мизерную оплату или вообще без нее. Определенные небольшие сдвиги в этой ситуации, кажется, в последнее время наметились: государство объявило о планах финансирования литературных переводов, постепенно налаживаются какие-то связи, но пока все идет очень медленно и сложно.

Что касается произведений казахстанских русскоязычных авторов — вопрос, **являются ли они русской литературой или литературой на русском** — сейчас уже, наверное, повод для дискуссии. С одной стороны, некоторые книги находят признание в России, даже получают там премии, причем не только «Русскую премию», ориентированную на литературу вне пределов России. Их читатели скорее всего даже не обратят внимание, кто по национальности и откуда автор (тем более, что некоторые евразийские имена универсальны и могут предполагать широкую географию происхождения — Аделия Амраева, Эльдар Саттаров, Заир Асим...). В других текстах явно можно разглядеть влияние и традиции уже не русской прозы, а, например, американской или европейской — что закономерно, учитывая вышеприведенное наблюдение о вытеснении в читательских предпочтениях современной русской литературы литературой зарубежной. Да и темы, связанные с проблемой самоидентификации в новом мире — то ли все еще «своем», то ли уже «чужом», то ли становящимся «чужим» постепенно и почти незаметно, или, наоборот, при обнаружении, что историческая родина стала «чужой» — довольно часто встречаются в произведениях молодых казахстанских писателей. Сказать, что нынешнее поколение двадцатилетних-тридцатилетних в Казахстане воспитывалось в традициях русской культуры, «русского мира» — несмотря на вышеописанное довлеющее значение оной в большинстве регионов страны — пожалуй, уже нельзя.

По поводу ориентации на другие политические и культурные центры, в 90-е годы в Казахстане была предпринята попытка сближения с Турцией и обсуждения идей пантюркизма. На улицах появились донерные, на телеканалах — турецкие сериалы, в казахстанскую экономику пришли турецкие компании, в образование — турецкие школы и лицеи. Но уже в нулевых энтузиазм по этому поводу стих. На мой взгляд, для идеи единого «тюркского мира» в Казахстане не оказалось необходимой почвы и поддержки.

Нельзя однозначно ответить на вопрос **«русскоязычные» для представителей «титульной нации» — сограждане или «пятая колонна»?** По той простой причине, что само общество «титульной нации» трудно назвать цельным. Наверное, около 20% процентов казахского населения можно причислить к «национал-патриотам», среди которых русские действительно воспринимаются как оккупанты или «пятая колонна», и отношение к ним варьируется от враждебного до снисходительно терпимого. Но на другом полюсе примерно те же 20% так называемых «обрусевших» казахов, воспитанных в традициях русской/европейской культуры, плохо владеющих или совсем не владеющих казахским языком и состоящих в оппозиции к «национал-патриотам». При этом их нельзя назвать «пророссийской» силой — многие из них придерживаются либеральных политических позиций и не в восторге от государственного курса современной России. Между этими полюсами — центристское большинство, которое может в чем-то склоняться к «национал-патриотам», в чем-то — к «европейцам». Ну и кроме этого важно учитывать, что кроме казахов и русских в Казахстане проживают большие диаспоры других азиатских и европейских национальностей — корейцев, уйгуров, татар, узбеков, украинцев, немцев, дунган и т.д. Некоторые из них по образу жизни и менталитету ближе к русским, некоторые — к казахам. Государство периодически (хотя и осторожно) продвигает идею создания единой нации и сплава этносов. Например, широко распространено высказывание известного казахстанского боксера Геннадия Головкина: «Мой отец — русский, мама — кореянка, а я — казах». Время от времени в СМИ и в соцсетях возникают кампании по популяризации смешанных браков. Не всегда понятно происхождение таких кампаний — идет ли инициатива «снизу» или «сверху», но в основном они находят отклик и поддержку в обществе.

Олег Панфил, поэт, прозаик, переводчик (г. Кишинёв)

«Вся русская культура где-то там, "на континенте"»

Политика в сфере языка и образования. Русский язык в Молдавии — официально (по конституции) язык межнационального общения, делопроизводство должно вестись на двух языках. Но в реальности за последние 10 лет делопроизводство и общение в госучреждениях (и не только) стало происходить на румынском-молдавском. Большинство школ ведут обучение на молдавском/румынском. Высшее образование на русском неуклонно сокращается. В стране была принята стратегия, максимально приближенная к такой же в прибалтийских республиках, и русский язык последовательно вытесняется из официального пространства и из СМИ. Например, 80% вещания да ТВ и радио должно вестись на молдавском языке.

Тем не менее, в быту русский очень употребим. Но выросло целое поколение молдавоязычных, совсем не знающих русского — иногда к собственному сожалению.

Для понимания реальной языковой и социальной жизни в Молдавии важно вот что:

в отличие от других постсоветских республик, здесь достаточно остро стоит проблема идентичности самого языка — в течение всего послеперестроечного периода самоназвание молдавского языка было и остается в фокусе максимальной политизированности и основным камнем преткновения, используемым для большинства политических кампаний в стране. Вопрос — как называть язык — молдавским или румынским — это источник перманентных не только бытовых конфликтов, но и большинства политических движений. Вопрос этот настолько острый, что уже много лет при необходимости избежать конфликтов в публичной речи используется идиома «государственный язык».

За всем этим, однако, стоит и очень активная экспансионистская культурная политика соседней Румынии: квоты для молдавских студентов, обучающихся в Румынии, множестве румынских теле— и радиоканалов, ретранслируемых в Молдавии, газеты и электронные СМИ, а главное — предоставление румынского гражданства жителям Молдавии.

На этом фоне российская политика поддержки русскоязычной культуры в Молдавии практически не видна и не ощутима.

Тем не менее, по упомянутому выше критерию самоидентификации общество делится на две категории — прорумынскую и промолдавскую. Люди, идентифицирующие себя как молдоване, как часть своей идентичности принимают русское культурное влияние. И это находит выражение в языке — часто культивируемом ими в общении своего рода молдавском суржике, подчеркнуто избыточном адаптированными к молдавской грамматике русскими словами и выражениями. Это породило и один из самых интересных культурных феноменов последних лет — рэп, основанный на такой макаронической речи (например, известная группа Carla's Dream).

Русскую литературу здесь изучают в немногих русских школах, и отчасти — в молдавских.

Книги на русском почти не выходят — не осталось ни одного русскоязычного издательства. Но это связано и с экономикой — книги на русском издавать невыгодно, их проще экспортировать из России.

Сохраняется ли русскоязычная городская культура, ее особенности в разных поколениях?
Театр им. Чехова в Кишиневе — театр на русском языке. А живая русскоязычная

городская культура сохраняется прежде всего в разговорной речи и в таких мутирующих вариантах, как упомянутый мной выше арго. Другие варианты ближе к культуре в гетто — редкие тематические вечера, посвященные, например, поэзии серебряного века. К счастью, в последнее время стали изредка происходить попытки слэма новейших, совсем молодых двадцатилетних поэтов. Продолжают свое прозябание так же несколько русскоязычных рок-групп.

Самое важное событие последних лет — открытие Библиотеки цивилизаций им. Марка Блока — проект Марка Ткачука. Регулярные лекции на русском языке ученых мирового уровня и дискуссионная площадка становятся отчетливым катализатором общественного сознания и задают новую высоту «планки»

Поколенческие особенности — такие же как везде после появления интернета: старшее поколение живет в вечных ценностях классической русской или советской культуры, молодежь — в своих. С тем отличием, что никто русскую культуру не связывает с непосредственным местом проживания — с Молдавией. Вся русская культура — где-то там, на «континенте».

Как ощущается связь с Россией на уровне общества и личном? Это очень тонкий вопрос, ха-ха. «Во дни побед» России на Центральном рынке Кишинева, например, становится заметно больше русской речи и продавцы охотно отвечают на русском. А во дни поражений России или пророссийских политиков — те же продавцы перестают понимать русский и отвечать на русском.

Какие еще «миры» существуют — традиционные и возникшие в постсоветское время? Румынский мир крайне важен для некоторой части населения. Его значение заметно уменьшилось с тех пор, как был введен безвизовый режим с Евросоюзом. Поскольку Румыния и румынское гражданство перестали быть единственным окном в Европу для гастарбайтеров.

Появились ли новые интересные писатели, существуют ли объединения русскоязычных писателей, насколько они включены в общий литературный процесс? Не столько появились, сколько оформились как яркие прозаики несколько писателей среднего поколения — Олег Краснов, Александр Попов, Михаил Поторак, Наталья Новохатняя. Это стало возможно благодаря организованному Олегом Красновым неформальному сообществу прозаиков «Белый арап» и одноименному ежегодному конкурсу на лучший рассказ и ежегодно издаваемому альманаху конкурсных рассказов.

Существует Ассоциация русских писателей, возглавляемая Олесей Рудягиной — это единственный в стране союз русских писателей. Она же подвижнически издает журнал «Русское поле» — единственный русскоязычный литературный журнал.

Заявило о своем существовании неформальное объединение совсем молодых поэтов — «Без названия, запятых и точек».

Минкульт третий год стал выдавать квоту на издание нескольких — трех-четыре книг на русском языке тиражом в сотню экземпляров.

То, что пишется сегодня, — это русская литература или литература на русском языке?

Мне кажется, что по внутренней претензии пишущих — это русская литература. Но по моему личному мнению литературой может быть лишь то, в чем присутствует развитие, а не сознательное или бессознательное воспроизведение матриц того, что пишущим кажется «литературой». По-моему, возможно, крайне субъективному мнению — большинство того, что пишется на русском в Молдавии — глухая литературщина, перемежаемая неоварваризмом юных поэтов. «Русскоязычным» это творчество может делать только отсутствие элементарного самоосознания. И — возможно — отсутствие хотя бы элементов вменяемой литературной критики. Что в эпоху сетевой словесности — независимо от мест проживания — создает убойной силы «питательный» бульон местечковой самопоглощенности и группового взаимопотакания «лайками». Для себя я легко определяю «русскоязычность» то бишь местечковость

текстов по степени их декларативности и «поучительности», по торчащему из текстов «указующему персту». И отсутствию самоиронии. Смайл.

Насколько доступна современная русская литература?

Все доступно во времена интернета. К тому же есть сеть книжных магазинов, торгующих русскими книгами, в том числе и новинками — правда, в основном коммерческими.

Проблема перевода. Переводчиков с русского — особенно молодых — совсем мало. А качественных — почти никого.

Переводчиков с румынского/молдавского на русский — чуть больше, но они плохо оплачиваемы и не очень знают живой (не книжный) язык, особенно арготическую речь, которой так богата современная литература.

Как живется и пишется в прекрасном новом мире? Отлично пишется. Когда остаются время и силы после работы, которая кормит. Смайл.

Кто и где ваши читатели? Я не фанат обратной связи писателей и читателей. И не исследовал этот предмет. Иногда мне кажется, что читатели моих стихов и моей прозы — разные люди. Могу судить по своему фб — который функционирует в основном в режиме «френдз онли», — они повсюду. И здесь, и в России, и везде, куда время разбросало «русскоязычных». Или вот — недавно меня разыскали «поклонники таланта» — в связи с книгой, вышедшей ровно 20 лет назад. Это была молодая семья — он из Сибири, она — из Харькова. И они приехали в Кишинев с несколькими страницами вопросов ко мне. Это было удивительно. Но как будто не совсем про меня. Смайл.

Алексей Торк, прозаик (г.Бишкек)

«Русский язык стал языком постсоветского эллинизма»

Политика в сфере языка и образования. Определить влияние — сегодняшнее или в перспективе — «русского мира» на Кыргызстан почти невозможно в силу того, что с понятием «русского мира» не определились в самой России, здесь много тумана и лукавостей. Думаю, что для кыргызов «русский мир» в большей степени воспринимается как попытка создания обновленного, модернизированного «Русско-советского мира 2.0», то есть, эта идея воспринимается больше как политическая доктрина, и у нее есть сторонники и противники. Последних с каждым годом все больше.

Сфера русского языка: в Кыргызстане русский язык долгое время был «советским языком», символом связи с жесткой, но «заботливой» метрополией, затем, после 91-го года стал и по сей день остается языком постсоветского эллинизма.

Формально и по существу русский язык в Кыргызстане с 91-го года и при всех четырех президентах был окружен государственной заботой, он имеет официальный статус и, безусловно, сохранит его на неограниченный период, несмотря на периодические наезды «патриотов-общественников». Бишкек продолжает оставаться в большей степени русскоязычным городом (вне его ситуация несколько иная, но таковой она была и в советский период). Гуляя по Бишкеку, вы легко услышите общение родителей и детей на русском языке, притом, что и мама, и ребенок порой говорят на нем с выраженным акцентом.

По официальным данным, русским языком в Кыргызстане владеет чуть больше 80 % населения. Это серьезная цифра. При этом, что естественно и закономерно, в той же столице кыргызский язык с начала 2000-х годов завоевывает все новые и новые позиции, он становится «модным», в том числе (и особенно) среди городской молодежи. Энергия эллингства понемногу сходит на нет — немалая часть молодежи хочет жить кыргызскими ценностями и думать о них на кыргызском языке. И этот процесс идет по нарастающей.

Думаю, что, увы, дальнейшая судьба русского языка (и в целом русской культуры) в Кыргызстане и вообще в Средней Азии вероятнее всего повторит судьбу греческого языка (и культуры) на эллинистическом Востоке: вспышка — постепенное угасание. Это вопрос времени. Но кыргызская власть, надо отдать ей должное, его — этот вопрос — не форсирует. На государственном уровне к «русскому вопросу» в стране относятся сверхкорректно. Русскоязычные СМИ в количественном отношении совсем немного уступают кыргызоязычным СМИ и зачастую превосходят их по популярности. С предельной деликатностью относятся и к «русско-советским» памятникам. Пострадал, кажется, только памятник В.И.Ленину, который 2003 году был деликатно перенесен с центральной площади Бишкека к стенам бывшего музея им.Ленина, сегодня — Национального музея страны. Отлично чувствуют себя в Кыргызстане русские классики. Никто не покушается, ни словом, ни действием, на памятники Горькому и Пушкину в столице. Столичные улицы имени Горького, Пушкина, Льва Толстого, Чехова, существовали и существуют.

Художественная литература, как и везде, плохо востребована, но если и прочитывается, то преимущественно русскоязычная. Да и пишется в основном «русскоязычными» авторами, хотя этнических русских среди них критическое меньшинство. При этом, конечно, писательские скудненькие ряды в Кыргызстане почти не организованы. Как пояснил мне мой коллега и товарищ, руководитель проекта «Новая литература Кыргызстана» Олег Бондаренко, «у нас нет объединений русских писателей — главным образом, из-за низкого уровня интереса к такой организации в писательской среде. Есть нечто вроде объединения молодых русских авторов «Литком» при Россотрудничестве — чисто формальное, заорганизованное, но, впрочем, одно время выполнявшее определенную работу учреждение: встречи, презентации (до 2014-2015 годов). Ныне и оно существует, скорее, на бумаге. Есть также русскоязычная секция Союза писателей КР, которую возглавляет поэтесса Сулова. Она переживает, старается, но на практике, если в секции что и происходит, то от случая к случаю, от собрания к собранию, один-два раза в год. Да и секция, скорее, формальная, для отчетности самого Союза писателей. Мне кажется, большинство писателей относятся к этому спокойно.

В целом, повторюсь, не вижу в Кыргызстане отдаленных перспектив для «русского мира». Численность русских Кыргызстана неуклонно сокращается — с миллиона в 1991 году до нынешних 400 тысяч. И этот процесс, спокойный, разлитый во времени, продолжается и будет продолжаться. До своего логического завершения. Если Россия не предложит Кыргызстану и другим странам бывшего СССР более мощную, универсальную идею, которую вначале она должна родить для самой себя, и она способна это сделать.

Ирина Цыгальская, поэт, переводчик (г.Рига)

«Уходит образ россиянина как "старшего брата"»

Понятие «русский мир» нередко попадает в сферу политики помимо, а то и вопреки нашему желанию. Открещиваюсь: я не занимаюсь политикой, однако тут же вспоминается — если ты не занимаешься, то рано или поздно она займется тобой.

Защита русского языка (или — от русского языка) и русской культуры (или — от русской культуры) и в Латвии, хотя уже и без прежнего запала, но все-таки и до сих пор служит вывеской, укрытием — для тех, кто подразумевает на самом деле совсем другое: свой карман, политический капитал, неумение и бездействие при нахождении на какой-нибудь ответственной должности.

Философия латыша выражается в даине, народной песне. «В этической глубине народная песня смело могла состязаться с христианской этикой <...>. Это не только поэзия, это и педагогика, агрономия, медицина и, конечно, мораль, — рассказывает о дайнах латышский поэт Кнут Скуениекс, — <...> дайна все еще актуальна для духовной жизни современной Латвии. <...> Мы <...> прямо или косвенно пользуемся ею в музыке и литературе. Свое наследие мы воспринимаем теперь как философию, этику, эстетику, но ценность его от этого не убывает»¹.

Подделиться этим богатством с другими народами нелегко, дайна плохо поддается «пересадке» на другую языковую почву.

О музыке. Если, например, латвийский оркестр исполняет Чайковского, то какая это культура — латышская или русская? Может быть, не то, и не другое: состав оркестра тоже может оказаться многонациональным. То же и в изобразительном искусстве: многие латышские художники, получившие известность в Латвии в двадцатые — тридцатые годы прошлого века, учились в петербургской Художественной академии, Роман Сута — в пензенском художественном училище. Жену Р.Сута привез из России — это Александра Бельцова, не менее известный латвийский художник.

Это — общее культурное пространство в мультикультурной Риге.

Больше оснований для выделения русскоязычной культуры предлагает, разумеется, литература.

Изучить язык страны проживания необходимо прежде всего хотя бы затем, чтобы убедиться, что все люди в своих главных желаниях одинаковы. Наверно, поэтому молодое поколение гораздо меньше, как теперь говорят, «напрягается» по поводу знания, изучения языков — они просто хотят жить, любить, растить детей. И большинство из них могут общаться как минимум на трех языках: русском, латышском и английском.

Русскому языку присвоен статус иностранного. В школах, по крайней мере латышских, количество часов на русский язык и литературу резко сократилось. В проигрыше оказались ...латышские школьники, вырастает поколение, в среднем знающее русский хуже, чем прежние поколения, и оттого — менее конкурентоспособное на рынке трудоустройства, так как во многих сферах жизни и деятельности необходимо все-таки знание и русского языка.

Получить высшее образование на русском языке можно только в частных вузах. Тут, правда, все постоянно меняется, говорят — а может быть, уже и реализуют —

¹ «Дружба народов», 1986, № 3.

о практике приглашения чужестранных специалистов, которые будут читать лекции на английском, немецком, русском и других языках.

Об ассимиляции судить не берусь, но постепенная интеграция происходит. Не только разных народностей, но и, к примеру, — со скрипом — богатых и бедных, что никак не менее актуально.

Электронные СМИ существуют и востребованы. Существуют и бумажные. На латвийском ТВ еженедельно можно посмотреть и послушать, в том числе — и в электронной записи — русские передачи «Без обид» и «Точки над і», в последней ведутся дискуссии по самым разным вопросам общественно-политической жизни (новые и старые политические партии, школьное и высшее образование, доступность медицины и т.п.). В дискуссиях участвуют обе, и латышская, и русская «общины».

Книг на русском языке выходит так много, что невозможно ни проследить за их качеством, ни понять, насколько необходимо было издавать ту или иную из них. У кого есть деньги (или богатый спонсор), тот и издает — что и сколько хочет. Легче сориентироваться в книгоиздании, осуществляемом при государственной поддержке. За последние два-три года вышло несколько (с десятком?) билингвальных поэтических сборников (в издательстве «Орбита») — современная латышская и русская поэзия, классика, Серебряный век и др.; в 2011 году возродился «Рижский альманах», а на ближайшие три года материальные заботы об издании этого ежегодника приняло на себя Министерство культуры Латвии.

Значительную часть изданий можно найти и в интернете. В том числе и «Рижский альманах».

«Городскую культуру» весной ежегодно украшают «Дни русской культуры». В центральных городских парках поют хоры. Встречи — поэтические, какие-нибудь тематические — происходят и «под крышей», в самых разных аудиториях, в них участвуют и гости из России. С весны и до поздней осени, когда по вечерам город все раньше окутывают романтические сумерки, можно послушать уличных музыкантов. «Блеск и нищета». Пожилой артист исполняет на аккордеоне какой-нибудь старый городской романс; девушка играет на скрипке что-то из классики; чуть дальше услышим гитару. Молодежь таким образом старается подработать себе на учебу, на жизнь — это понятно по всему их облику. Пожилые тоже зарабатывают, а не просят милостыню, пусть «атрибут» уличного «попрошайки» и присутствует рядом в виде какой-нибудь мисочки или шапки, — все равно это надо воспринимать как концерт за пожертвования.

У молодежи свои любимые песни, своя любимая музыка. Они шумят, громко смеются, тихо плачут... — а иногда и безобразничают... Но, кажется, культ молодости, здоровья и успешности, популярный в девяностые годы, свою «актуальность» утратил.

О том, чтобы сносились памятники деятелям русской культуры слышать не приходилось. Я по-прежнему проезжаю на троллейбусе мимо улиц Пушкина и Гоголя, а прогуливаясь в своем микрорайоне Пурвциемс (село Болотное), могу очутиться на улице Андрея Сахарова.

Культурные связи с Россией актуальны и сегодня, на личном уровне никогда и не прерывались. На уровне общественном, официальном были ослаблены в 90-е. В последние годы вновь становятся интенсивны. Тактично и незаметно что-то меняется, в сторону — большей взаимности? Я имею в виду, что уходит — уже ушел? — образ россиянина как «старшего брата» в семье народов бывшего СССР.

Из наших современников первым приходит на ум режиссер Алвис Херманис, известный в Европе постановками русской классики (Онегин, Обломов, гоголевский «Ревизор» — привет школьникам и всем прочим, кто не читает классики). В Риге стала событием постановка А.Херманиса «Бродский/Барышников»; и Мария Наумова, латвийская певица русского происхождения; и российский режиссер Кирилл

Серебренников, который поставил в Латвийском национальном театре «Мёртвые души», спектакль «Сны Райниса»...

«**Сограждане**» — хорошее слово, лучше, чем «постоянный житель», «русскоязычные» и т.п., уж не говоря о такой крайности, как ярлык «пятая колонна» (он, как будто, теперь употребляется редко).

Недавно президент Латвии Раймонд Вейонис внес предложение регистрировать детей неграждан гражданами уже в момент рождения, если только родители не выберут для них другое гражданство. Посмотрим, как проголосует парламент.

В годы перестройки в Латвийском университете была группа по обучению молодых литераторов из разных республик латышскому языку, иные из них действительно связали свою жизнь с культурой, литературой Латвии. Но их труд на родине — по окончании учебы — оказался невостребованным.

Изучать языки, культуру, историю, нравы с конца шестидесятых отправляются в братские республики и латышские поэты, среди них — поэт и переводчик Улдис Берзиньш (1944), изучавший турецкий язык на Кафедре востоковедения в Ленинградском университете (1968 — 1971), затем на отделении Востоковедения и африканистики МГУ (персидский и турецкий), в Ташкентском университете — узбекский. Переводил ветхозаветные книги, пятнадцать лет отдал переводу Корана. «Русскоязычный» поэт С.Морейно в настоящее время занимается переводом польской литературы... Можно было бы продолжить, но перечисление само по себе ничего нового не добавит.

Лучше еще несколько слов об Улдисе Берзиньше: в своих путешествиях на Восток он познакомился с азербайджанским писателем Акрамом Айлисли и если и не подружился с ним, то — нашел в нем единомышленника. Очередная их встреча произошла в 2012 году в Риге. Акрам Айлисли привез рукопись своей книги «Каменные сны» (на русском языке). Мы встретились с Айлисли в Вентспилском Доме писателей и переводчиков, он попросил меня прочесть этот трагический роман-реквием. Прочитав, я спонтанно «приняла решение», что «Каменные сны» надо перевести и на латышский... Перевод состоялся, книга издана по-латышски в 2015 году. Дальше Акрам Айлисли собирался в Москву... Но это уже другая история...

Среди появившихся в конце двадцатого века и в первые десятилетия двадцать первого русских писателей как, может быть, самого крупного я определенно назвала бы поэта и переводчика Евгения Шешолина. Он родился в Краславе (Латгалия) в 1955 году, трагически погиб в 1990 году в Даугавпилсе. Причина гибели осталась неизвестной. Я говорю — «определенно», потому что жизненный путь его закончился. Живые, может быть, скажут что-нибудь еще, тогда и «решим». После ухода Шешолина его творения стали объектом изучения историков и исследователей литературы — и в Латвии, и в России. Стихи Шешолина публиковались и прижизненно, но как-то не особенно выделялись на фоне всей хлынувшей потоком, будто бы прорвавшей все шлюзы и запреты, поэзии. Чудится — не судьба ли это? Что именно смерть поторопила понять значение поэта...

Объединения возникают и рассыпаются, образуются заново. (*Где два латыша, там три партии*. Наверно, то же можно сказать и о русских писателях).

«В 60—70-е годы возникали кружки и салоны «независимых», с культом кофе и кафе. <...> Отдельного внимания заслуживают домашние салоны той эпохи, формировавшие новый тип общения и культурной инициативы. <...> Противостояние официальной культуре и «диктату» старшего поколения в литературе и искусстве 1960—1970-х гг. было велико и отчасти послужило основой для сплотки наиболее активных представителей молодежной культуры вне разделения на племена и народы», — рассказывает историк культуры Б.Равдин («Даугава», 2005, №2).

«**Есть ли здесь русская литература?**» — этот вопрос время от времени возникает снова и снова. Дискуссия об этом публикуется в третьем номере (первого «этапа» издания, 1993 год) «Рижского альманаха». Историк культуры, исследователь литературы

русской диаспоры 20-х — 30-х гг. Юрий Абызов (1921 — 2006) уверен, что нет: «Возможна ли здесь художественная литература — не думаю, <...> не вижу для этого творцов ее. Литература иного плана — разрабатывающая почву и судьбу, документы <...>, — литература факта, мемуарная <...> — это все возможно...». (Правда, позднее Ю.А. все же заметил Л.Романенко, 1923—2007).

Кнут Скуениекс годом раньше думал иначе: «региональная литература <...> даже по-своему уникальна, правда, при условии, если не старается копировать метрополию. <...> не надо бояться, что со временем возникает и языковой, и литературный диалект. Потому что палитра русской литературы от этого становится только богаче» («Рижский альманах», № 1, 1992).

Трудно, да и не хочется, представить себе маргинализацию языка, на котором писали Лев Толстой и Достоевский.

Думается, русский язык как язык современной литературы, поэзии — востребован. Недаром так много поэзии пишется и в России, и в диаспорах — и появляется как в бумажных изданиях, так и в сети.

Переводчиков с латышского языка на русский количественно стало меньше. Все же рижская переводческая, да и поэтическая школа сохраняется, а школа поэтического перевода подтверждает европейский уровень и латышской поэзии второй половины прошлого столетия, и первых десятилетий нового.

Язык в Латвии — как и на всем пространстве бывшего СССР — оскудевает и засоряется... Но язык — как живое существо, которое и развивается, и дегенерирует, — многое «определяет» сам, и, надо думать, сам и лишнее отбросит, сам и обогатится — может быть, сленгом, языком улицы — совсем какими-нибудь другими словами, чтобы выражать новые понятия, не исключено, что еще и «латышизмами».

Недавно я переводила коротенький рассказ Визмы Белшевицы, написанный в эпистолярном жанре, позабавила в нем характеристика провинциальной гостиницы, даваемая автором с незлой иронией: «В номере справа интернациональная компания — наверно, сезонные работяги, еще совсем мальчишки, видела их в окно — разговор на русском. Там бутылка не булькала. Или непьющие, или деньги уже кончились. Они грелись и до сих пор греются, даже вопреки жаре, крепкими словами. Этих слов три, если упоминание матери считать за одно слово. Если нет — пять. Кроме матери — еще одна женщина легкого поведения и нечто из мужских причиндалов. Помнишь Эллочку из «Двенадцати стульев»? Та <...> на фоне этих юношей — настоящий Толстой ...» Далее, возвращаясь к этим своим юношам, Визма Белшевица не называет их иначе, как только «трехсловесные»...

Лично мне в новом тысячелетии дышится, в творческом плане, легче. Потому что я, хоть и не задавалась никогда целью написать что-нибудь «проходное», но понятие о необходимости соблюдения тогдашних канонов, наверно, въелось на бессознательном уровне и выразалось в том, что казалось: я ничего в литературе не могу. Ни мой индивидуализм, ни интерес к асимметрии никому не нужны.

Читателя представляю себе смутно. Иной раз, стараясь понять, получилось ли что-нибудь, каким-то непонятным образом вижу текст глазами кого-нибудь из единомышленников, всегда — конкретного, одного. Тираж моих книг примерно в 200—250 экз. с течением времени расходится. Больше раздаривается, чем раскупается.